

«И чувствую действительность иную...»

(О поэте Константине Васильеве 1955-2001 и мемориальном литературном музее)

Должность: директор
«Музея-квартиры поэта К. Васильева»
ФИО: Поморцева Галина Ивановна

2004 г.
пос. Борисоглебский

Я хочу начать с того, что приближается 50-летие поэта. 10 января 2005 г. Константину Васильеву могло бы быть 50 лет. Но судьба поэта сбылась до конца. Он умер в возрасте 46 лет 17 августа 2001 г. в пос. Борисоглебский.

Я в ночь родился – и звезда
сорвалась с неба золотая.
Я – рос. И вырос лишь едва я –
как мне открылась красота.

Но я терял её не раз,
и грандиозно ошибался,
и вот опять – неровен час! –
Меж двух огней я оказался.

Два одинаковых огня
мою вселенную замкнули,
и словно мухи или пули,
летят мгновенья сквозь меня.

А может быть, века летят,
пока топчусь на месте этом...
Перед собою виноват –
а значит, перед целым светом.

А свет – всего лишь два огня –
один – в былом,
другой – в грядущем...
Но нет меня ни в настоящем,
ни в уходящем нет меня.

Я остаюсь меж двух огней,
легко идущих на сближенье,
и двух огней в душе моей
произойдет соединенье.

Когда ж оно произойдет –
тогда взойдет звезда на тверди,
моя упавшая взойдет,
моей дождавшаяся смерти.

(26.02.83)

Какой мне представляется поэзия Константина Васильева, и он сам как поэт? Начну с цитаты: «...Я был воспитан в реалистическом духе, но меня это не удовлетворяет, потому что в реализме, если понимать его как школу, нет правды. В нем только частица правды, самая холодная и жестокая, а тот, кто говорит часть правды и умалчивает об остальном – лжет.». Так

говорил Кенэлм Чиллингли, один из любимейших литературных героев Константина Васильева. Мне кажется, что Васильев всю жизнь пытался высказать и остальную часть правды. Он был романтик и реалист одновременно. В мировоззрении Васильева всегда одно без другого невозможно. При внешней противоречивости одно содержится в другом. «Даль – близка», «закат – подать рукой, настолько отдаленный», «такая тьма, что вижу ясно», «наполненная смыслом пустота» и т.д. Примеров – масса.

Что значит вымысел? – пустяк
в сравнении с тем, что есть на деле.
Ведь это истина.... Итак,
фантазии мне надоели.

Давно пора разуть глаза,
увидеть, что вдали, что рядом:
увидеть, как блестит роса,
как мотыльки летят над садом,

запомнить сотни славных лиц,
непримечательных, казалось,
увидеть падающий лист
и народившуюся завязь,

и на граните рассмотреть
след эпитафии забытой...
Но главное – увидеть Смерть
за толстою плитой гранита,

но главное – увидеть жизнь
за этой смертью неминуемой...
А ты твердишь, что романтизм –
поток фантазии могучей.
(15.09.82)

Константин Васильев шел от «можно» к «нельзя» и к «невозможному». Противоречия, поставленные лицом друг к другу, доводятся до предела, будят мысль читателя, толкают на поиск чего-то третьего.

А за спиною тучей вьется пыль...
Невысоко взлетел – и не взлечу я!
Но боль души иллюзией врачую
И верю в сказку так, как верят в быль...
И чувствую действительность иную,
В которой я не буду – но я был.
(09.07.81)

Очень привлекательно утверждение через отрицание.

Не знаю ни вчера, ни завтра.
Но в дне сегодняшнем видна
одна опасная неправда,
неправда страшная одна.

Она за мной невесть откуда
идет – не ведаю куда.

Я больше – никогда не буду,
да я и не был никогда.

Поэзия Васильева представляется мне как цельное мировоззрение с выходом к Свету, Гармонии, Вечности. Это мировоззрение возникло как на основе собственного уникального опыта самопознания, так и изучения судьбы и творчества лучших представителей мировой поэзии. Прекрасно зная поэзию серебряного века, Васильев не стал ничьим подражателем, но оказался достойным продолжателем. Его творческий период также равен 25 годам. Васильев чувствовал себя своим среди своих в поэтическом ряду. Его лучшими друзьями были именно поэты всех времен, а средой обитания – поэзия, растворенная в вечности.

Я не ищу в вине забвенья –
я вспоминаю за вином
былого золотые звенья...

С мечтой о Веке Золотом
я наливаю золотое
в прозрачный голубой бокал –
я вижу солнце над собою!
Я тучу взглядами прогнал!

И вы.... глядим в глаза друг другу,
и все стоим – к плечу плечо –
и вновь вино идет по кругу...
Земля вращается еще!
(02.09.85)

Константин Васильев обращал свои стихи к Пушкину, Лермонтову, Мятлеву, Некрасову, Фету, Бунину, Державину, Батюшкову, Тютчеву, Блоку, Есенину, Мандельштаму, Тарковскому, Гумилеву, Клюеву, Георгию Иванову, Галактиону Табидзе, Рубену Дарио, Китсу и Шелли, Уайльду, Бертрану, Корнелю, Бодлеру, Леконту де Лиллю, Яворову, Верлену, а также своим современникам. О Мандельштаме, например, есть цикл из 12 стихотворений. Написаны и опубликованы семь глав исследования поэмы Блока «Двенадцать». В планах Васильева было написать книгу о Блоке.

Я о «Двенадцати» семь глав
когда-то написал стремглав,
пишу восьмую восемь лет,
а результата нет и нет.
Но я, быть может, и живу,
чтоб написать сию главу.

Такие стихи – заметки, встречающиеся в творчестве поэта, представляют интерес для исследователей. А вот стихотворение, одно из нескольких, посвященных Тарковскому, написанное в 1988 г.

Один Тарковский перевесит нас,
всех без изъятья – это ли не гений?
Какое имя светлое – Арсений –
единственное на Руси сейчас.

Восторги оставляя – про запас –
успею преклонить еще колени –
я думаю о нашем поколеньи
и вновь в определениях увяз.

Почти потерянное, и родства
не помнящее, но – мы не Иваны!
И все-таки панурговы бараны.

И будут вновь – слова, слова, слова.
А мы глупцы, нам погружаться рано
в Тарковского – подучимся сперва...
(18.06.88)

Вот эта связь, которую Васильев чувствовал и с поэтами Золотого века и с поэтами Серебряного века, с поэтами русскими и французскими, с англичанами, грузинами, болгарами и позволяет говорить о *«всемирной отзывчивости»*. Изучая поэзию Васильева, можно познакомиться одновременно и с мировой поэзией, узнать неизвестные и вспомнить забытые имена. Среди многочисленных образов, составляющих поэтический мир Васильева, интересен образ стены. Напрашивается аналогия с классиком болгарской поэзии Пейо Яворовым, которого Васильев хорошо знал и любил. У Яворова есть, говоря словами Льва Озерова, «стихотворение-сфинкс «Ледовая стена». По мнению Льва Озерова *«...здесь речь идет о том пределе, который никто из живущих не может преодолеть. Никто пока не может разгадать загадку жизни. Возможности человека, чтобы разгадать эту загадку, ограничены. Эта стена ограниченности – того же характера, что и «длань незримо роковая», низвергающая наземь и струю фонтана, и человеческую мысль, пытающуюся проникнуть выше и дальше дозволенного природой, - у того же Тютчева»*. В лирике Васильева образ стены предстает в разных измерениях: от бытового до метафизического. Но это отдельная тема.

А вот еще один образ. Недавно один человек, думаю, что поверхностно знакомый со стихами Васильева, в беседе со мной высказался так: *«Черный квадрат» Малевича – это обратная сторона иконы, а Костя Васильев постоянно туда заглядывает*. Да, поэт Васильев заглядывает в Бездны. Вот как он об этом пишет: *«Углубись в Тютчева, и ты увидишь Бездны, отведешь глаза от вещей... Человек должен видеть Бездны. Он же мыслящее, чувствующее существо... Поэт – одинок. Ибо – впереди всех...»*. А может быть, «Черный квадрат» - это сконцентрированная картина нашего мира, в котором находится все: и добро, и зло, и знание, и тайна. И уже заложено зерно поиска света. Вот как эта тема отозвалась в одном из стихотворений Васильева:

Рассеянно вижу в скоплении туч
один-одинешенек солнечный луч.
Рассеянно слышу – меж громом и громом
кукует кукушка о чем-то знакомом.
И резкого ветра порывам открыт,
стою, как трава молодая стоит.

Над этой дубравой, над речкой и лугом
прозрачность расходится пламенным кругом,
и в точку сжимается черный квадрат –
он буйствовать кончил, а травы стоят,
кукует кукушка, вода утекает,
а жизнь продолжается, жизнь продолжает...
(08.05.92)

Васильев так сказал сам о себе:

Клен зелено-красно-рыжий
на распутье сентября –
только лучшее и вижу,
всё о худшем говоря.

Он писал, что «поэты тоски» пишут «черные» стихи не ради утверждения «черных» сторон жизни, а ради отрицания этих «черных» сторон. Да, в жизни много «светлого». Но так ли уж это «светлое» нуждается в чем-то утверждении? Например, наша жизнь. В ней много хорошего, но плохого, пожалуй, больше. И атмосфера – «духовная» наша атмосфера – по существу, мрачна... Во имя света надо найти в себе силы говорить об этом мраке, не отводить от него глаз. И во имя света надо найти в себе и в жизни и то, что действительно – светло».

Я точно не умру от легкомыслия:
земная жизнь груба и тяжела.
Пускай моя не выполнена миссия –
познать добро путем познания зла.
Пускай мои слова наилегчайшие
под тяжестью своей изнемогли –
суди меня, казни меня, но знай, что я
шел к небу роковым путем земли.

Васильев не проповедует, не учительствует, не морализирует, - он сомневается. Но это сомнение – дорогого стоит.

Присутствие невидимого Бога
Я близ себя и в небе ощущал,
И слишком осторожно выбирал
Земную и небесную дорогу.

И тихо шел к родимому порогу,
К концу концов – к началу всех начал,
Лелея то надежду, то печаль,
То радость, то смятенье, то тревогу.

Но Бог – меня, я Бога забывал.
Я был один, и небеса пустые
Сияли огоньками вечных звезд.

И все-таки на землю я упал,
На камни бел-горючие России,
А эту землю был погост.
(06.07.81)

В поэзии Васильева можно выделить и показать в развитии такие темы:

- любовь	- alter ego	- Болгария
- природа	- философия	- исторические лица
- друзья-враги	- мятеж	- литературные герои и др.
- жизнь	- Россия	
- смерть	- религия	
- душа	- одиночество	

Это многообразие подчинено одной цели: поиску гармонии, идеала – во всем, при постоянном ощущении исключительности судьбы, судьбы поэта, и ответственности за этот дар.

Как говорил Васильев, «поэт – зритель высоких зрелищ, и он просто смотрит...». Но в другом

смысле, чтобы увидеть ситуацию, надо быть не в ней, а над ней. Интересно, что Константин Васильев описал это состояние в ранней своей лирике, в августе 80 года:

... Я шел под этим яростным дождем,
И хорошо дышалось и мечталось.
Но, кажется, я вовсе не мечтал.
Я просто находился в состояньи,
Которое однажды испытал,
Которое меня околдовало,
И очень часто стало приходить,
Хотя о нем я знаю очень мало,
И не могу его определить.

Я находился в этом состояньи.
Я был самим собою, я не знал,
Что я – вдали, что я на расстояньи,
Что я самим собой быть перестал.
Что я самим собой уже не буду.
Но это я узнал уже потом.
Когда прошла зима, когда и лето
Прошло, и снова дождик зазвенел.
Тогда-то я и сделался поэтом,
Хотя стихи писать и не умел.

Для поэзии Васильева характерна идея объединения, движения по кругу и по прямой. Для него первична эстетика, так как она этична, содержание определяет форму. Васильев традиционен и нов одновременно, он не повторяет ни себя, ни других. Сведение лицом к лицу двух противоречий, их обнажение, слияние, попытка их примирить. Иногда вывод – намек, иногда вопрос, в котором опять нерешенное противоречие. Тоска по Идеалу, но и по Страданию.

А впереди, а впереди –
еще одна волна забвенья.
А здесь – веселые дрозды,
кому певцы, кому – мишени.

И чье-то чуткое ружье
нацелено неумолимо
в лицо веселое мое...
И – выстрел.... Неужели – мимо?

Может быть сознательно, может интуитивно, скорее всего: и то, и это, Васильев умело пользуется законами, принятыми в творчестве. Он живописует словом. Контрасты, детали, передний и задний планы, самое светлое, самое темное, недоговоренность. Свет, тень, полутьма, граница. Четкой границы между светом и тенью быть не может, но он проводит ее для ясности. И сам встает на эту грань. И, переходя эту границу между светом и мраком, между низким и высоким, меняет маски. Надо обнажить зло, чтобы ярче показать добро.

Я, сверкая черным взглядом,
остаюсь душою бел.

Многообразие и глубина всего написанного Константином Васильевым не могут не привлечь внимания исследователей. Слишком многое здесь запечатлено, чтобы остаться незамеченным. Несколько слов о будущем музея. Я уверена, что он может жить, развиваться и уже начинает

привлекать к себе внимание. В нем сосредоточен богатый материал для изучения жизни, научной и творческой деятельности поэта, его ближайшего окружения и времени, в котором он жил. По его стихам конца восьмидесятых годов можно представить, какое было брожение в головах, душах, сердцах наших современников, в нашей стране. Я хочу сказать, что если мы не будем заниматься изучением творчества Васильева, популяризацией его поэзии, публикацией его произведений, то, как раз и окажемся в положении «Иванов, не помнящих родства».

Будем возвеличивать мышей, чайники, утюги, валенки и т.п. Я ничего не имею против таких музеев. Благодаря им можно изучить историю предмета, насладиться фольклором, приобрести сувениры, развлечься и отдохнуть. Но все это из области материального, поверхностного, сиюминутного. Это никого не задевает. «Жизни мышь беготня» всем понятна. В своей статье о постмодернизме, защищая поэзию от попыток увести ее на поиски новых форм в ущерб содержанию и от слухов о ее преждевременной смерти, Васильев писал: *«Постмодернисты непременно хотят присутствовать при конце культуры – иными словами, хотят кончить культуру, сказать последнее слово. Но неужели, культура оставит им последнее слово? Такой «конец культуры» был бы ее всемирным позорищем, такого банкротства просто нельзя представить. Разумеется, о конце всякий имеет право думать. Но мамонты вымирали именно как мамонты, не превращаясь в процессе вымирания в мышей»*. И мне бы хотелось, чтобы музей Константина Васильева никогда не измельчал в угоду времени, не превратился в салон по торговле мишурой, чтобы здесь всегда царили поэзия, музыка, наука и искусство. Но как удержать ту планку, которую установил Константин Васильев: изменяться – не изменяя себе? Я вижу только один выход: всем миром.

Не мир спасется красотой,
а миром – красота.

В противном случае – вымрем, превратившись в мышей. Конечно, нужна помощь. Нужна заинтересованность.

А теперь о текущем моменте. *«...Текущий момент характеризуется попытками задвинуть литературу на задворки общекультурного процесса, отыскав для этого благовидные предлоги и объективные причины. Оскудевает сакрум литературы, остывает пиетет, благоговение перед писателем. Вчерашний предмет почитания вежливо или грубо отодвигают в сторону. Кризис литературы, утрата ею своего места и значения не может не обернуться кризисом писательского статуса, значимости литературного произведения, – кризисом литературного музея»*. Это – цитата из статьи Евгения Анатольевича Ермолина «Каким быть дому Константину Васильева?». И далее там же: *«Дому Васильева предстоит, думаю я, стать духовным средоточием светской культуры Борисоглеба и шире – Ростовского края, Ярославской земли, центра России. Он призван стать клубом элит, живой средой общения и творчества, творческой мастерской, дискуссионной ареной для современных писателей и читателей»*. Как бы хотелось, чтобы мы сумели дорасти до этого.

Но как сказал Александр Блок, надо *«жить, предъявляя безмерные требования к жизни»*.